

Лев АБРАМОВ

В ЧЕРНО-БЕЛОЙ МЕТЕЛИ...

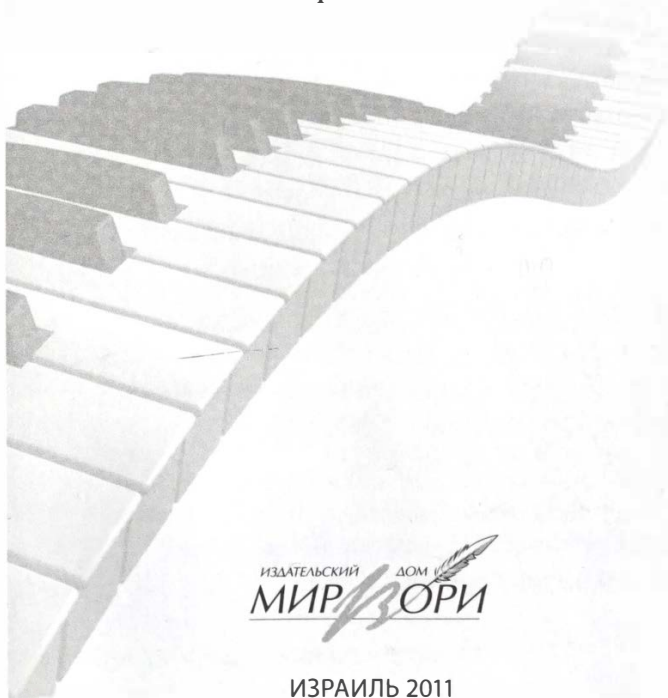

Но, как в белом облаке
Нам снится, как в белом снеге,
Глубокой, удивительной дуре,
Что бы вышло изобретение
Из без меры доброго смысла
Коснется сердца моего души,
Как сердце человека души,
Снова, так чудесное творение...

Лев АБРАМОВ

В ЧЕРНО-БЕЛОЙ МЕТЕЛИ...

Сборник стихов

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
МИР/ЗОРИ

ИЗРАИЛЬ 2011

Абрамов Л.

В чёрно-белой метели: сборник стихов / Абрамов Лев;
[вступ. ст. М. Козакова; дизайн Э.Алиев] – Израиль: изда-
тельский дом «Мирвори», 2011. – 112 с.

ISBN 978-965-7448-08-3

Лев Абрамов – профессиональный музыкант, пианист, преподаватель. С юности писал стихи, но никогда их не публиковал. «В чёрно-белой метели...» – его первая книга, в которой собраны стихи разных лет. Тематика произведений разная, но во всех есть нечто общее – их музыкальность. «Для меня стихи – это тоже музыка, – признаётся поэт, – слова – клавиши моего любимого рояля. Я очень надеюсь, что вы услышите мои мелодии, и они вам понравятся».

ISBN 978-965-7448-08-3

© Издательский дом «Мирвори», 2011

© Абрамов Л. 2011

Поэзия музыки... Музыка поэзии...

Отношения с поэзией у меня сложные... Нет, не так! Глупости какие. С Поэзией у меня отношения самые что ни на есть любовные. Одна талантливая строчка может привести в щенячий восторг! Я буду кружиться с ней, носиться, как с самой большой ценностью, буду стараться найти того, с кем можно поделиться нежданной радостью, кому можно продемонстрировать свою потрясающую находку.

Но как редко в последнее время доводится переживать такой восторг... Что ж тут поделаешь – «издержки производства». Как и любому редактору, мне приходится перечитывать груды такого... «не дай Б-г каждому» (это из «Ширли-Мырли», если кто подзабыл).

Но какая же это удача, какой праздник, когда среди огромного количества поступающей в редакцию писанины вдруг блеснёт – оно, настоящее...

Наверное, такое ощущение испытывают искатели кладов или рудокопы, которым приходится перелопатить тонны пустой породы, прежде чем...

И точно так же, как тот рудокоп, невольно себе, редактору приписываешь заслугу: «Это же я! Я нашла, я обнаружила. Копала-копала и докопалась...» Хотя, конечно, никакой моей заслуги тут нет. Прочла бы я эти строчки или не прочла, они всё равно бы не по-

тускнели и остались бы такими же глубоко-поэтическими, каковыми их и задумал автор:

...Ты играй, скрипач, играй, прошу.
Нерв струны натянут и во мне.
Безысходность, что в себе ношу,
Я спалю в спасительном огне.

Между струн дрожит моя душа,
Звук уносит вдаль от суеты.
Внемлю, как молитве, не дыша —
Здесь алтарь несбывшейся мечты...

Раскройте свои изболевшиеся, натруженные души и вчитайтесь. Вы слышите музыку? В этой книге она везде: на обложке, на каждой страничке, в каждой строчке. Нежная музыка ноктюрнов Шопена, яркие, жизнеутверждающие моцартовские пассажи, тревожные бетховенские аккорды, полифония Баха...

Мне кажется, что если бы стояла такая задача, то к каждому стихотворению можно было бы найти музыкальный фон, звучавший в сердце автора в момент его написания. Хотя, конечно, тут легко и ошибиться, ведь у каждого человека своё собственное восприятие и поэзии, и музыки.

Интересно, что услышите вы, прочитав вот эти строчки?

...В лёгком воздухе хмелево-сладостном,
С губ срывая раскатистый смех,
Вальс рассыпался звуками радости,
Поднимаясь куда-то наверх.

И от нашей дурманящей близости
Полной чашей восторга дышу.
Этим ритмом, кружением, живостью,
И любовью, что в сердце ношу...

Да это же Хачатурян! Вальс к лермонтовскому «Маскараду». Тот же напор, та же страсть и безудержное кружение долгожданного выстраданного счастья, та же тревога – ведь в любой момент оно может внезапно закончиться.

А хотите Грига? Так вот же она, вот – песня Сольвейг, но только в оригинальном мужском исполнении:

...Губы мягкой ватой
На моё дыханье,
Жест замысловатый,
Сон – воспоминанье.
Липнут к нежной коже
Запахи и звуки,
И снести не можешь
Ожиданья муки...

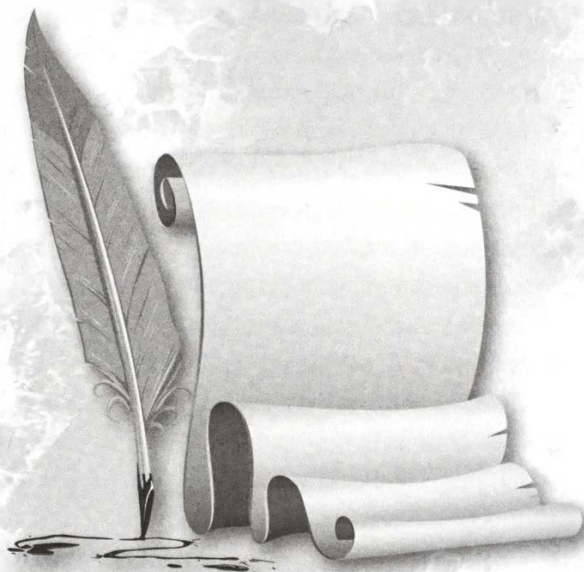
Мне пора закругляться, иначе я весь сборник разложу на партитуры, а это – «не есть хорошо». Зачем навязывать вам мои ассоциации, когда вы обязательно, я уверена в этом, найдёте свои, непостижимые чужому слуху и чужому вкусу.

Но прежде, чем вы перевернёте страничку и попадёте в дурманимый мир музыкальной поэзии Льва Абрамова, позвольте небольшой совет человека, уже в этом мире побывавшего: не читайте эту книжку впопыхах, на ходу, в транспорте или в обеденный перерыв. Дождитесь вечера, когда все сегодняшние заботы закончены или отложены на завтра, все дела переделаны, работы отработаны, споры отспорены, все «посторонние шумы» отшумели или отправились спать... Вот он – самый подходящий момент побыть наедине с собой и перенестись в мир, отогревающий сердце, воскрешающий самые дорогие ему мгновения.

Включите свою самую любимую музыку, откройте книгу и читайте...

Маргарита Козакова, редактор

*Мы сами выбираем все дороги,
Приносим жертвы, выгоды прося,
Несёмся, спотыкаясь о пороги,
Бредём вперёд, крест выбора кляня.*

*Мы сами выбираем
все дороги...*

Как время мчится! В ранние года
Я не искал спокойствия и мысли.
Не берегла беспечная звезда
От дел пустых и чувственной корысти.
Без счёта лились капельки часов –
В безвременье к познанию подымался.
Всё разложил на сотню голосов,
И лишь себя услышать не пытался.
Казалось всё, что цели впереди,
Что сменам дня и ночи нет конца,
Что всё придёт, лишь только захоти,
Что миг удачи шлёт уже гонца.
Шёл наугад, теряя и любя,
Без сожаленья брал и отдавал,
Не проклиная, не благодаря,
Но и цены минуты не узнал.
Мечтал о многом, многое постиг,
Суровый мир учил не по годам,
И проглотив порой бессилья крик,
Не изменял несбывшимся мечтам.
Как на магнит летел на женский взгляд,
Искал любви и чистой красоты,
Но, всякий раз, взглянувши за фасад,
Там находил лишь пустоши цветы.
Да и кого минует этот путь?
Кто не желал победы и удач?

Кто не боялся в душу заглянуть,
Чтоб услышать немые смех и плач?
Считать года – бессмысленный удел.
Чего достиг? Как много потерял?
Не прогибаясь прожил, как сумел.
Без злости и смеялся и страдал.
Я берег моря тихий полюбил,
Рассвет безмолвный, тонкий звук струны,
И чтоб прибой негромко говорил,
Неся волну из моря глубины.
Огонь костра и мысли, и слова
Заряд надежды дарят всякий раз.
Но если жизнь мне что-то и дала,
Так это тихий предрассветный час.

А начиналось всё так прекрасно

А начиналось всё так прекрасно:
Кидало в счастье на вираже...
Но жизнь промчалась, и всё напрасно,
Усталость вечер несёт уже.
Обман мечтаний сполна вкусивши,
Сбывалось часто, как ни крути,
Что попрacticalней... что покрасивше...
Во всё изверилось в конце пути.
Но разбиваясь и возрождаясь
Для новых целей и новых мук,
Душа крепчает, не отрекаясь,
Вливая мудрость в сердечный стук.
И если с вихря хитросплетений
Крупницы правды дано стряхнуть
Без восхищений, без сожалений –
То в этом, может, и жизни суть.

Ах, молодости крепкое вино!
Испито до конца. Глоток последний
Смешался с осенью.
И мне порой смешно,
Как всё перегорело зноем летним.
Но зрелости усталая печать
Пока не давит холодом рассудка.
Ни чувств, ни мыслей. Я готов страдать
И на призыв ответить очень чутко.
Уже любовь не взрыв, но глубина,
Подёрнутая дымкой пониманья,
Что нам во искупление дана
Сама любовь, и нежность, и страданье.
Уже обида кажется смешной,
Перед судьбою не закроешь дверь,
Уже и жизнь не кажется игрой,
Но лишь дорогой счастья и потерь.
А осень танцем листьев будет плыть
И уводить от разочарованья,
Чтобы душе растерянной открыть
Всю красоту и мудрость увяданья.

В перевёрнутом мире зеркал
Отразилось безумье ночное.
Я любви и спасенья искал,
А нашёл лишь паскудство сплошное.

Гаснут свечи последних надежд
Тех, что раньше так дороги были.
Всё тряпье карнавальных одежд
Разъедается облаком пыли.

На ветру холодеет душа,
Вяжет изморось плотным узором,
Бытиё на фрагменты круша
То ли горечью, то ли позором.

Шумный ворох бессмысленных дел
Опадает листом календарным,
И уже прочертился предел
Этим дням бестолково-бездарным.

Он притягивает. И вот
Без сомнения, без сантиментов
Жизнь последний берёт поворот,
Невзирая на крик аргументов.

На летящем в туман вираже
Потускнело всё, чем дорожилось.
И почти что неважно уже,
Что сложилось, а что не сложилось.

Только ты, не кляня, не виня,
У осеннего встанешь порога —
Безответная Вера моя
В справедливого доброго Б-га.

Всё отошло бегущей вереницей лет,
Порыв сменился зрелым размышленьем.
Не огорчает больше в зеркале портрет,
Молчит печаль, не мучат сожаленья.

Прожил, как смог, любя, надеясь и борясь
Свои четыре, вдруг промчавшихся, десятка.
Пускай звезда моя ещё не поднялась,
В друзьях и недругах не видно недостатка.

Хоть падал часто, всё же не терял лица,
Души своей не тронул злопыхательством.
Остался верен светлой памяти отца
И забывал обиды и предательства.

Отнюдь не ангел. Что ж живу я не в раю,
А в жёстком мире, в коем нет согласия.
Я сам себе об этом часто говорю,
Когда закроет небо вдруг ненастье.

Обманный круг надежд, что не сбываются,
В реальной жизни больше оказался.
Я и сейчас, пусть осень подбирается,
Ни от одной из них не отказался.

Но об одном лишь я молю Всевышнего,
Чтоб бремя бед минуло близких мне людей.
Чуть-чуть удачи, мира, веры в ближнего –
И утро дня не стало бы мрачней.

В минуты гнева и печали,
Когда тусклы все краски мира,
Мягчает твёрдость лучшей стали,
Крик размывает ориентиры –
Лишь вспомни о своих любимых
О тех, кто добр был с тобою,
О милосердных и ранимых,
Тебе подаренных судьбою,
Тех, кто прошёл с тобою рядом
И тяготы и возвышенья...
Тогда увидишь ясным взглядом,
Что гнев – лишь сердца оскорбленье.

Когда немой слепого вопрошает,
Что тот об этой жизни знает,
Какой он может получить ответ?
И всё же их надежда окрыляет...

Когда глупец над умным верховодит,
Какой конфуз порою происходит.
Нем умный, слеп глупец безбожно,
А свет надежды гаснет осторожно.

Когда ж с судьбой отважно вступишь в спор,
Кто слеп, кто нем – не в этом коленкор.
Свой жизни путь ты должен отстоять
И у других надежды не отнять.

Когда откроются врата
В обитель вечного покоя,
Уйдут минуты и лета,
Страданья холода и зноя,
Тогда возреет над тобой
Былое, в совести купаясь,
И осуждённый сам собой
Ты рухнешь, в бездну окунаясь.
Но, может быть, один лишь час
В прожитом наспех, непутёво
Тебя спасёт на этот раз
И возродит для жизни новой.
Тот час, когда ты не сробел
Перед жестоким подлым веком
И лишь на миг, но стать сумел
Достойным Б-га человеком.

Ночь

Забрав событий бесконечный ряд,
Уснувший день ушёл за горизонт.
И не вернуть ушедшего назад.
Ночь раскрывает звёздно-чёрный зонт.

Лишь в гордом одиночестве своём,
Грустя, луна холодный свет струит.
Притихли звуки в городе большом,
Вздохнувший ветер ветку теребит.

Молчат дома. Глазницами окон
Глядят на мир, умаявшись от дел.
Приблизился полночный рубикон.
День прожит – как хотел и как сумел.

Ночь в ожиданье завтрашнего дня –
Огромная загадка для меня.

Круг разорванный глупых и сладких надежд
Отзывается эхом отравленных строк.
Безнадёжных романтиков – жалких невежд
Оставляю ряды, не усвоив урок.

Что же, мордой об стол – это проза и быт
Ежедневной борьбы. Атрибутика дня.
Коль не выдержал боли напрасных обид,
Не бросайся на мир, невезенье кляня.

Через розовый цвет добровольных очков
Видя только одну справедливую музу,
Вдруг, как шар бильярдный от крайних бортов,
Вылетаешь из боя в бесстрастную лузу.

Нет, не стоит ничто ни страстей и ни драк,
Чтоб бороться, как минимум, вера нужна.
Но, а если не веришь, какой же дурак
За идею напьётся страданий сполна.

Будем жить, веселиться, не думать и ждать,
Что когда-нибудь всё же очнёмся от сна,
Лишь бы не было поздно.
Не опоздать...
Чтоб Зимой опять не назва́лась Весна.

Мой добрый друг, не надо той печали,
Что зарождает боль надежд ушедших.
Мы свой концерт ещё не отыграли,
Ещё не подсчитали дней прошедших.
Ещё горит в нас творчества желанье,
Мы служим музе, воплощенной в звуке,
И женское слепит очарованье,
Предвосхищая встречи и разлуки.
Ещё вино кипит в бокалах тонких,
Ещё пока смеёмся над собою
И спеть способны много песен звонких,
И в спор вступить с изменчивой судьбою.
Ещё способно розовое утро
Будить полёты призрачной надежды
И, хоть сказать по чести, мы не мудры,
В любовь с тобою верим, как и прежде.
Еще способны сдерживать удары,
Ещё не выпал он, удар фатальный,
И что б там не твердили в кулуарах,
Ещё не прозвучал аккорд финальный.
Так будем на крещендо подниматься,
Творя симфонии своих нелёгких жизней
И стоит ли, ей Богу, удивляться:
Чей ярок мир, судьба того – капризной.

Над пасмурным осенним мокрым днём
Нависла туча не пролившимся дождём.
Сверкнула молния, чертя зигзаг в полёте,
Гром захлебнулся баса гулкой нотой.

Шумят деревья, тянут ветки-плети,
Как грома испугавшиеся дети.
Холодный ветер кружит всю природу,
Сам злится на ужасную погоду.

Всё потемнело, давит напряжение.
Нахмурилась земля – не в настроенье,
Куда как лучше солнца ласка будет,
Когда лучами землю приголубит.

Вот капля первая со звоном разлетелась,
Вторая в вальсе ветра завертелась,
И понеслась живительная влага –
Дождинок развесёлая ватага.

Разверзлась туча перезвончатым потоком,
Деревья наполняя жизни соком.
Забарабанил дождь по нашим крышам
Ветровый стон давно уже не слышен.

Потоки отразили просветленье,
И в пенье превратились дробь с шипеньем.
Вдруг туча отошла, открывши солнце
Сквозь дождь лучом в намокшее оконце.

Ушла гроза, оставив солнце миру,
Пустив денёк в заснувшую квартиру.
Сверканье красок в жизнь опять вернулось.
Нам радугою небо улыбнулось.

На середине жизненной дороги
Я оглянулся на поток годов:
Как мало отпустили сделать боги,
Как много сделать сам я был готов.

В любви, искусстве и работе шумной
Достичь хотел заоблачных высот,
И в каждой книге, неизменно умной,
Великих мыслей я искал полёт.

Но жизнь разбила мудрость этих книг,
Не идеала требуя, а дела.
И буднями заполнен каждый миг
В границах отведённого предела.

Меняя жизнь, страну, язык, друзей,
Меняясь сам, в разладе сам с собою,
Тем ощущаешь пустоту больней,
Чем недовольней собственной судьбою.

Ведь полпути, лишь только полпути,
Ещё немало – столько же осталось,
И надо так до финиша дойти,
Чтоб всё пустым и впрямь не оказалось.

Нальём вина, мой верный добрый друг,
За женщин, за удачу, за тебя!
Клокочет мир, взбесившийся вокруг,
А мы сидим, минут не торопя.
Мы треть пути прошли уже с тобой,
Делили боль и радость, смех и грех.
Тряхнём посеребрённой головой
И выпьем за тебя и за успех!
Ты также весел, дамами любим,
Всё также веришь в чувство и мечту,
Идёшь по жизни, музами храним,
Не опускаясь в быта маяту.
Здесь, на земле священной праотцов,
Дай Бог тебе вкусить победы свет!
Крепчают вина от горячих слов,
А дружбу крепит пепел долгих лет.
Так будь всегда таким, какой ты есть,
Открытым дружбе, людям. Не робей!
Пусть пока проблем не пересечётся,
Мы пьём за жизнь, любимых и друзей.

Не зная поворотов и извилин
Своей судьбы грядущей, Человек,
Как ты беспечен, зол и инфантилен,
Неся жестокий, бесполезный век.

Ах, как тебе неведомы сомненья,
В своих сужденьях скорый на клеше,
Ты Б-жий мир отдал без сожаленья
За временный покой в своей душе.

Ты так боишься боли и страданий,
Спешишь избрать простой и лёгкий путь,
Придумываешь сотни оправданий,
Свою судьбу пытаешься обмануть.

Но лишь в страданье золота крупницей
Сверкают гений, смысл, мрак и свет.
И лишь в сомненье истина рождается,
Лишь покаянье может дать ответ.

Так каждый день в погоне за теньями
Проходит жизнь, что только раз дана.
Меж пальцев убегает мысль словами.
Тропинок нет. Дорога лишь одна.

Не надо грусти, друг мой милый.
На этой солнечной земле
Мы все влачим свой путь унылый,
Как дичь, зажатая в силке.

В привычку превратив удачу,
Не сложно мир завоевать,
Но лень даётся нам в придачу,
А с ней так сложно совладать.

И покоритель привыкает
Вершины Эвереста брать.
Когда со славой поиграет,
Домой отправится скучать.

Не видя в этой жизни смысла,
Всегда обречены искать
То в звуках, то в холодных числах
Высоких истин благодать.

Так не грусти, что нет ответов,
Прими мой дружеский совет:
Пошли к чертям авторитетов
Придумай собственный ответ.

Не понять, не высказать словами
Ту печаль, что на сердце лежит,
Золотыми лёгкими годами
В дальней дымке молодость летит.
В ярком свете утренней надежды,
С губ срывая беззаботный смех,
Пролетела, одаривши прежде,
Всем безумством юности утех.
Прозвучала музыкой признаний,
Грохотом и тишиной любви.
Сладким звуком бережных свиданий
Грубый мир наполнить мы могли.
Вся наивность творческого пыла
Жгла огнём мятущихся сердец.
Это чувство голову кружило,
Каждый был романтик и певец.
И под звук гитарных переборов
Мы неслись в круженье городском,
Растворяясь в музыке и спорах,
Не считая мелочи в большом.
И, Наполеон своих желаний,
Каждый верил в вечность бытия –
Не в неясность карточных гаданий,
А в удачу завтрашнего дня.

Пролетели годы. Время мчится.
Я не тот, не спорю уж с судьбой.
И ничто уже не повторится –
Прогрущу есенинской строкой.
Грусть светла, не рвёт души тревога,
Ведь могу в душе я также петь.
Хоть и жаль ушедших дней немного,
В этой жизни не о чем жалеть.
Но порой, в момент отдохновенья,
В сутолоке суетного дня
Вдруг вернётся взрывами веселья
Молодость ушедшая моя.

Ночной разговор

Моих грехов, конечно же, не счесть.
Отвечу сам, когда придёт минута,
Но только вот не надо в душу лезть,
Ей без того и тягостно, и смутно.

Налей вина! Я думать не хочу.
Что толку в этом мысленном разброде?
Наверно, легче в лапы палачу,
Чем разбираться в собственной природе.

Всё, как пятак, и просто, и смешно.
Кровь, серебро и плотный ком речей –
Вот три кита, что держат мир давно,
Так что ж я человечества умней?

Нет, я лишь зеркало!
Не нравится? Разбей!
Но ведь и ты, к несчастью, не Иисус.
Судя других, судья всегда смелей,
Лишь осудить себя – безмерный трус.

Пей, братец, пей! Да нам ли рассуждать
О том, что не во власти наших сил?
В незнании – земная благодать.
И в том, чтоб искру Б-жьёю сохранить.

Мы все ответим пред одним судьёй,
Ну а пока нажми на тормоза.
Снаружи утро выпало росой,
Рассветным солнцем брызнуло в глаза.

Который год ведёт меня дорога
Глухим путём ошибок и потерь.
Всего узнал не мало и не много,
Но не ценил не раньше, не теперь.
Всегда искал глубинный смысл явлений,
Но никогда ответ не находил.
Вдруг уходил без слёз и сожалений
От тех проблем, что сам же породил.
Хочу свернуть с проторенной тропинки,
Всё изменить, сорвать рутинный плен!
Неужто воля тоньше хворостинки,
И не поднять судьбы своей с колен?
Неужто впрямь удача отвернулась?
Не может быть!
Я отвернулся, я!
И, чтобы вновь стремления проснулись,
Им нужен свет душевного огня.
Того огня, что годы погасили
Рассудочностью, страхом неудач,
Всю остроту желаний притупили...
Здесь где-то каждый сам себе палач.
Вот так порой, себя найти пытаюсь,
Хотим в покое смысл обрести,
Но победит лишь тот, кто, ошибаясь,
Сумел свернуть... и вновь вперёд идти.

Опадает день,
Расцветает ночь,
Разливается томная нега.
Клонит тело лень,
Гонит мысли прочь,
И душа тоже просит ночлега.

Позабывшись вдруг
Благодатным сном,
Сердце жаждет себе облегченья.
Разжимая круг,
Вяжет боль узлом,
Преломляется суть сновиденьем.

От мерцающих звёзд
На лице бродит тень.
Отпусти же, забота дневная,
Дай душе отдохнуть,
Дай надежде вздохнуть.
Завтра встретимся снова, я знаю

Романтики

В век интернета, в век генетики,
В век научных лихих причуд
Без рекламных щитов, без патетики
На земле «динозавры» живут.

Недобитые веком романтики
Ожиданием вечным полны,
Не меняясь на яркие фантики
Красоты идеалам верны.

Хоть и сложно им выжить в столетии,
Где на чувства лимит и расчёт,
Им дано продлевать долголетие
И ракету наладить в полёт.

Как красиво они влюбляются –
Не расчётливо и навсегда,
И как скрыть свою боль стараются,
Если только придёт беда.

В торжестве доброты не изверясь,
Меряют жизнь в идеалах своих.
Я люблю их и очень надеюсь,
Что остался одним из них.

Смеяться, право же, грешно
Над графоманом. Он святой!
Иной от скуки пьёт вино,
А этот пишет день-деньской.
И этим пьян, как от вина,
Рифмуя боль свою и прыть.
И не его совсем вина,
Что он не может воспарить.
С его бы тонкою душою
Писать, как Пушкин или Фет,
А он всё видит пред собою
Судьбины страшный пистолет.
Так и живёт в борьбе жестокой
Начал, последствий и причин.
Чиркнул стишок о синеокой,
И все орут, что он кретин!
И ну его тянуть к ответу,
И ну его критиковать!
Ну нету Пушкина тут. Нету!
Зачем же зря его ругать?
Ведь, хоть размеры вдохновенья
С талантом малым не сравнить,
Он ловит чудные мгновенья,
А, значит, так тому и быть!

Среди текущих праздников и буден
Нам не дано судьбы предугадать.
Как ни был бы наш путь тяжёл и труден,
Назад как фильм, нельзя перемотать.
Всё меньше в светлых праздниках веселья.
Всё больше в грусти чёрных дыр тоски.
И потихоньку, словно от безделья,
Листаем жизнь, как книжные листы.
Мы разучились морем восхищаться,
Глядеть на небо, видеть Млечный путь,
Навеки и отчаянно влюбляться
Чтобы в глазах любимых утонуть.
Так, заменяя чувственность расчётом,
Меняем жизнь на штампы и клише,
Берём насущный хлеб борьбой и потом,
Не давши хлеба собственной душе.
И лишь тогда, когда себя ты спросишь,
Зачем в столь разный мир пришёл,
Когда расчёты с штампами отбросишь,
Поймешь, что потерял, что приобрёл.

Средь парковых деревьев ветер веет,
На атомы распались звуки дня,
Дорожки в лунных бликах зеленеют,
Клубится ночь, цикадами звеня.

Отгородившись тишиной от мира
И лампу заменив на лунный свет,
В потёмках притаившейся квартиры
Бокал вина и пачка сигарет.

Один в ночи. Лишь мысли и сомненья
Со мною делят этот поздний час,
Переплетая нити размышлений,
Что посещают каждого из нас:

О тех годах, что канули в пучину
Житейских остужающих морей,
Что, подрастратив жизненную силу,
Так и не понял сущности людей.

И что друзья – герои фотографий
Рассеяны по миру, как песок.
Перебирая факты биографий,
Вдыхаю словно прошлого глоток.

И что живу, как будто в ожиданье,
Но в жизни не бывает ведь чудес.
И что живёт меж нас непониманье,
А миром правит личный интерес.

Куда иду? Не знаю. Всё в тумане.
Доволен всем? Да что ты, Б-г с тобой.
И словно в перепившемся шалмане,
Врагом и другом может стать любой.

Ну почему я до сих пор не встретил
Тех глаз, что принесут душе покой?
Неужто за грехи я не ответил
И должен спорить с взбалмошной судьбой?

Сквозь свет ночи вдали я ясно вижу
Черты, что так ищу в потоке дней.
Но чем прохладный час рассвета ближе,
Тем чувство одиночества сильней.

Лишь музыка, которой посвящалась
Все годы и часы моя душа,
Воздушным диском медленно вращаясь,
Прольётся и поймёт меня сполна.

Как я далёк сейчас от блеска клавиш,
От звуков, что давали жизни прыть.
Но прошлое вернуться не заставишь,
И сложно путь вторично повторить.

Мы сами выбираем все дороги,
Приносим жертвы, выгоды прося,
Несёмся, спотыкаясь о пороги,
Бредём вперёд, крест выбора кляня.

А за окном давно уже светает.
Ночь отошла, рассвету уступив.
Так новый день завесу поднимает,
Тоску ушедшей ночи проглотив.

Вот первый луч пробил себе дорогу,
Весёлый вестник жаркого огня,
В бокале растворился понемногу,
Сверкнув надеждой будущего дня.

Одиночество

Я одиночество люблю за то, что
В нём фальши нет, лишь грусть и маета.
И хоть приносит утренняя почта
Не зов друзей – рекламу и счета,
И звон рядов не выпитых бокалов,
Тома несостоявшихся бесед –
Всё это давит штормом в десять баллов
И горечью идёт тебе во след,
Но одиночество есть средоточение
Души работы, что рождает суть.
И к Б-гу небольшое приближение,
Возможность пепел с сердца отряхнуть

Судьба шаловливой рукою
Фортуны толкает качели,
То с высью мешая земною,
То грубо швыряя на мели.

Но, может быть, в этом полёте
И скрыто души наслаждение,
И страх на судьбы повороте,
И творческой мысли горенье?

Уходят дни, минутами стекая
По матовому зареву окон.
Мчит поезд жизни, красками сверкая,
Кидая нас с перрона на перрон.
И подчиняясь полностью, всецело,
Инерции движенья бытия,
Мы крутим жизни круг осатанело,
Не допуская слабости, нытья.
И движимые яростью животной,
Летим вперёд, в неведомую даль.
А там, в дали – всё тот же круг заботный,
Лишь только поменялся календарь.
Зачем на этот шумный поезд сели?
И взят билет до станции какой?
Ответы, что колёса прогремели,
Неслышны за словесною игрой.
Растрачивая силы и желанья
На мелочь будничных и каждодневных дел,
На поиски взаимопониманья,
Забыли, что дороге есть предел.
Ведь в этой сумасшедшей гонке к цели,
К которой все придём когда-нибудь,
Не все из стартовавших уцелели.
Ушли, вперёд прокладывая путь.
Но вечных пассажиров не бывает.

Сойдешь и ты на станции своей,
Увидишь: вечность двери открывает
Перед душой мятущейся твоей.
И если спросит вечности властитель:
«Ну что? Ты понял смысл пути,
Приведшего тебя в мою обитель?»
Скажи, ответ сумеешь ты найти?

Хотя у каждого, поверь, диагноз свой,
Больницы пациенты мы одной...
Один Главврач, одни медикаменты
И шокотерапия для клиента...
Но, как ни глянь, не видно тут успеха,
И Главврачу, наверно, не до смеха.
Никак не может Он уразуметь –
Нам, просто, очень нравится болеть.

Немного об искренности

Мы все приходим в этот грешный мир,
Чтобы пройти свой путь от края и до края,
Испить познания сладкий эликсир.
Познав уйти, обман не принимая.
Стремясь к любви, изменами кишим.
Стремясь к богатству, нищенствуем духом.
И каждый хочет небом быть храним,
Не слыша в этом фальши чутким ухом.
Так и живём средь масок и речей –
Игрок порой игры не замечает,
А тот, кто побогаче и бойчей,
На остальных, как на трубе играет.
И в этом маскараде суть и соль.
Под маской прячешь мысли и сомненья,
Непониманье, пустоту и боль,
И божьей искры слабое горенье.
Под маской оптимиста легче жить,
Философа – обманывать сознание,
А скептика – о жизни говорить,
Наивности – скрывать непониманье.
Под маской реалиста – мазохист,
Тот, что судьёй себя провозгласил,
И хоть в душе большой идеалист,
Во благо ничего не совершил.
И в круговерти карнавальной пляски,

Приняв условия нехитрые игры,
Мы лиц не замечаем, только маски,
Не покидая собственной норы ...
Но день закончен.
Карнавал к концу.
Снимаем маски, вытираем грим,
Даём вздохнуть уставшему лицу.
О боже! Что с душой своей творим.
Ведь в зеркале, стеклу ненужно лгать,
Не маски отражаются, а лица,
И трудно лицам маски принимать.
Никак они не могут примириться,
Им хочется все маски разорвать,
Ответив жизни зеркалом лица,
Хоть нас и перестанут понимать,
Хоть это есть рождение конца.
Но ночь пройдёт, а завтра карнавал.
И одеваем маски, пряча души,
Ведь цепь ещё никто не разорвал,
Течение мерной жизни не нарушив.
И видит Б-г, что в этой свистопляске
Нам остаётся мудро пожелать,
Чтоб маска оставалась только маской,
И нам бы лиц своих не потерять.

Е. Амирамову

Пусть летит все к чертям!
Я поверил в судьбу.
Боль горчит отравляющим дымом.
Юмористом был тот,
Кто назвал сей бедлам
Столь прекрасным и радостным миром.
Не спасут от него
Ни табак, ни вино,
Ни сверканье иглы с соком мака.
Кто умней,
Перестал возмущаться давно,
И не рвёт в бесполезную драку.
Словно в комнате смеха,
В кривых зеркалах,
Строит жизнь идиотские рожи.
И в коктейле со смехом
Подмешан и страх,
Что бороться – себе же дороже.
Разучились любить,
Научились считать,
Но нельзя рассчитать свои чувства.

И уменье молчать,
Улыбаться, играть,
Превратилось в большое искусство.
Но одно лишь пока
Примирает с судьбой,
С этим миром, несчастным и тленным,
Что когда-нибудь всё ж
Повстречаюсь я с той,
Что заставит забыть о вселенной.

Стихи на салфетках

И в крепости своей уютной
Укрывшись от времён лихих,
Еврей – всегда искатель нудный
Проблем в историях чужих...

Всегда полно горячих тем.
На радость всем антисемитам,
Израиль – поставщик проблем
С неограниченным кредитом.

Ни тебе не понять и ни мне,
Что история делает с нами:
Головешки в познания огне,
Стали мудрыми мы... дураками.

Сколь ни ищи, ты не найдёшь
Ни разума, ни чести:
Когда планетой правит грош –
Душа на заднем месте.

– О, муза вдохновенья, где же ты?!
Вопит поэт и руки вверх вздымает.
Ему в ответ: «Пацан! Без суеты!
Она с другим в Эйлате отдыхает»!

Лишь ты, бокал, меня поймёшь,
Всю боль и силу откровенья
И до конца в меня вольёшь
Свой терпкий сок успокоенья.

Склоняю голову, Всевышний,
Перед терпением твоим:
Тебе молитв совсем не слышно
За шумным гомоном людским.

Мне надоело это всё терпеть:
Весь мир – дурдом, а в нём врачи с приветом.
Всевышнему не стоило потеть.
Всё! Ухожу! И делаюсь поэтом!

Как дерзко на меня судьба
Вдруг покосилась с подковыркой.
Ей не понять, что тут борьба –
Бой вдохновения с бутылкой!

Твои, Господь, претензии верны,
Прости, что я совсем не ангел робкий:
Я поедаю горький хлеб вины,
Но запиваю сладким ядом водки!

*И любовь родилась,
как родится дыхание,
Всё вбирая в себя,
увлекаясь порой,
Раздвигали рукой
рубежи мироздания,
То сжимали пространство
до точки одной.*

***И любовь родилась,
как родится дыхание...***

Когда порой твои глаза
С безмолвной грустью вопрошают,
В душе моей дрожит слеза.
Я знаю – сердцем не играют.
Я не играю, я боюсь,
Что жизнью скомканной своею
Твоих спокойных черт коснусь –
Тебя ж обидеть я не смею.
Я так люблю твоё лицо,
Твоих волос тончайший ворох
И тихих рук твоих кольцо,
И в сумрак платья тихий шорох.
Негромкий голос твой ловлю,
Им до предела заполняюсь,
Но то, как я тебя люблю,
Сказать, увы... но не решаюсь.
За нерешительность кляня,
Себя нещадно презираю.
Оберегая и любя,
Тебя молчаньем обижаю.

В чёрно-белой метели
 разметавшихся клавиш
Потерялась история
 нашей любви.
И ничто не вернёшь,
 не вернёшь, не исправишь,
Не откликнется эхом,
 зови, не зови.

В чёрной крышке рояля
 отражаются тени,
В тишь осеннего сада
 опадает листва.
Замирает судьба
 на высокой ступени,
Только шлейфом – мелодии,
 жесты, глаза.

Только зеркалом звука
 отразится улыбка,
Только взлётом пассажа
 поворот головы.
Возвращается память
 неслышно и гибко,
Тихий шелест страниц
 пережитой главы.

Первой встречи случайной
 оглушительный шёпот,
Когда слово – ничто,
 только жест и глаза...
Переплавлен в мелодию,
 пенье и рокот,
Словно что-то поняв,
 присмирела гроза.

И любовь родилась,
 как рождается дыхание,
Всё вбирая в себя,
 увлекаясь порой,
Раздвигали рукой
 рубежи мироздания,
То сжимали пространство
 до точки одной.

И глазами в глаза,
 обозрев каждодневность,
Пили чувство своё,
 как пропойца вино.
Добавляя нещадно
 и ревность, и нежность,
Не считаясь, что сердце
 и так уж пьяно.

Только есть разрушение
 в характере сильном.
Так порою ничтожное
 правит в большом:
Каждый твёрдо хотел
 быть судьбы господином,
И никто не хотел
 быть у чувства рабом.

В том безумье своём
 мы сгорели беспечно,
Враждовали-любили,
 и дерзкой душой
Мы в единое слиты,
 казалось, навечно,
Наслаждались и мучались
 этой борьбой.

А разлука ждала
 в тёмной тени момента.
В беззаветной любви
 нет рабов и господ.
Так гордыня свалила
 любовь с постамента,
Припорошив метелью
 несбывшихся снов.

Радость первых минут
и взаимосожженье,
Свет звезды и луны
в потемневших глазах,
И безумья гордынного
преодоление —
Всё смешалось в усталых
последних словах.

И ничто не вернуть.
Только в звуках, как прежде,
Неразлучны, вдвоём,
нераздельны, одно...
Ты осталась со мной
бликом звонкой надежды,
Залетевшим на миг
на судьбы полотно.

Воспоминание

Я помню и губ твоих вкус,
И ворох волос сумасшедший,
Неловкий смущённый прикус,
Весь образ твой, в душу вошедший.

Игрою лица твоего,
Сердилась ты или смеялась,
Во-первых, и, прежде всего,
Все дни мои переполнялись.

Я знал эту гибель не раз,
Но ты одуряющим светом,
Игрой озорных своих глаз
Во мне разбудила поэта.

Так что же сейчас говорить,
Сбылось или что ещё сбудется...
Уже никогда не любить,
Как в розовой юности любится.

В угарном ресторанном кутеже
(Когда уже над мыслью ворох чувств,
Велеречивость в пьяном кураже
Венчает тост первейшим из искусств)
Я вдруг увидел странный силуэт
У барной стойки в темноте угла –
Осеннего желания портрет...
Как будто встречи женственность ждала.
Одна.

Бокал вина и грусть в глазах
При встрече взглядов. Губы – как призыв.
И хоть уже не держат тормоза,
Вдруг образ всплыл, остановив порыв,
Той девочки из юношеских дней,
Которой я ни слова не сказал.
Мы даже не знакомы были с ней –
Лишь восхищался молча и страдал.
Её фигурка, лёгкий тонкий стан,
Волна волос и нежность серых глаз
Вдруг заслонили бар и ресторан...
Но почему же именно сейчас?
Она иль не она – не в этом суть.
Быть может дело в цвете этих глаз,
В которые случилось заглянуть,
Не дав порыву выйти напоказ?

И я не встал. Лишь на немой вопрос
Осенних глаз хотелось мне сказать,
Что я ушёл бы в тень её волос
И хоть на ночь сумел бы страсть отдать.
Но...
Чем старше память, тем она сильнее
Нас держит, как бокал, в своей руке.
И просто глупой памяти моей,
Увы, не место в душном кабаке.

Вальс

Беззаботная, светлая, чистая.
Понеслись, в звонком вальсе кружась.
Как шампанское буйно-игристое,
В голове у меня разлилась.

Я в глазах твоих карих, как в омуте,
Утонул, задохнувшись на миг.
И признание, в горячечном шёпоте,
Угрожает сорваться на крик.

Нежных рук невесомые ободы,
Заключают в себе целый мир.
И разлёт серебрящихся локонов
Прячет щёк нарастающий пыл.

В лёгком воздухе хмелево-сладостном,
С губ срывая раскатистый смех,
Вальс рассыпался звуками радости,
Поднимаясь куда-то наверх.

И от нашей дурманящей близости
Полной чашей восторга дышу.
Этим ритмом, кружением, живостью,
И любовью, что в сердце ношу.

Этой музыке, нас обнимающей,
Вторит наших сердец унисон.
И летим, словно в волнах играющих,
В звуках вальса, похожих на сон.

Встреча

Переждать, перебыть, перемучаться!
Этот полдень хамсинного дня –
Мыслей крохотных варево пучится...
Дверь кафешки, прохладой маня,
Открывается. Мир изменился:
Тихо льётся с динамика джаз,
Влага сока, и мир погрузился
Вглубь покоя душевного. Транс.
Вдруг откуда-то:

– Можно?

– Конечно!

Зелень глаз в обрамление волос,
Чёрный локон отброшен небрежно,
Неозвученный замер вопрос.

– Просто девушка.

– Просто мужчина.

Да какие, к чертям, имена –
Этой встречи немая картина
Неизменна во все времена.
Пара фраз. Жест неловкой смущённости
Свет зажжённой свечи отделил,
Приближение нежданной влюблённости
Бой сердечных часов возвестил.
С сигаретного дыма клубами
Перемешан пленяющий джаз.

Эти звуки живут огоньками
В глубине её ласковых глаз.
Чашка кофе, вино, сигареты,
Невесомость руки на плече.
В жаркой близости танца ответы
И в судьбу осветившей свече.
Отступило хамсиново марево.
Забродились до дури вдвоём.
Посильнее хамсина ударило
Буйство страсти опасным огнём.
Переулков и улиц верчение
Под внимательным взглядом окон
Осенили земное влечение
В непреложный вселенский закон.
А потом шелестение ночи
Нас накрыло пахучим ковром.
Позабывши на время о прочем,
Во вселенной остались вдвоём.
Что там дальше? Весна или горе?
И куда повернётся звезда?
Эта встреча в хамсиновом море
Не исчезнет уже никогда.

Любимая! Услышь, как сердце бьётся
Меж тонких струн измаявшейся скрипки.
И как скрипач, ту скрипку обнимая,
Тебя хотел бы также обнимать.
Как музыка к тебе из сердца рвётся!
Как музыкант, быть может, по ошибке,
Холодный взгляд за скромность принимая,
Тебе о чувствах хочет рассказать,
О той мечте, что для тебя открылась
И воплотилась в музыки томленье,
Растапливая холод отстранённый
Твоих прекрасных, но усталых черт.
О том, что, к сожалению, не случилось...
Но тонких струн врачующее пенье
Не в тихий зал, игрой ошеломлённый,
К тебе одной несёт любви концерт.

Не вернуть утраченные дни,
Не взойдёт росток с земли прожжённой,
Не зовут вечерние огни,
Уносясь неоном в мрак бездонный.
С звёздами мешаются вдали
Неизменно тлен в союзе с вечным.
Говори, шальная, говори,
Я тебе поверю, друг сердечный.
Да и чем ты хуже остальных?
Пусть судьба покоя не дала,
Хоть на ночь теплом даришь других,
А для чувства жизнь уже мала.
Ведь в тебе расчёта ни на грош:
На минуту нежность бы поймать.
Хочешь, я в твою поверю ложь?
Мне не сложно сказке подыграть.
Отзвенит, отстонет эта ночь –
Миг обмана, нежности и нег,
А с рассветом унесёшься прочь,
Лишь на сердце чуть растает снег.
Мы, быть может, встретимся с тобой,
Вспомним ночь и пыл самообмана –
Эту схватку с хмурою судьбой,
Ночь, когда и ты была желанна.

Не покидай

Не покидай меня, не покидай,
Всего на миг в дверях остановись.
Не обвиняй меня, не обвиняй –
И я хотел, чтоб все мечты сбылись.
Но в этот миг, вот в этот горький миг,
Когда судьба и жизнь напополам,
Всё что достиг, что в жизни я постиг,
За твой порыв навстречу мне отдам.
Вглядись в меня, взглядишь в мои глаза –
В них нет упрёка, только горький стон...
С твоих ресниц уже бежит слеза,
Шепча о том, что я тобой прощён.

И можно ли в безумье разорвать
То, что должно всю жизнь нас согревать?

Ну почему мы любим только стерв?
Здесь что-то от основы мазохизма,
Ведь наших чувств тревожно-тонкий нерв
Замешан на дрожжах идеализма.
И как любить, коль этой жизни хлад
Рассудочность над чувством поднимает,
И ты уже страданиям не рад,
Но без страданья чувства не бывает.
И любим мы, страданью вопреки,
Лишь потому, что сердце твёрдо знает:
Любую боль на чувство наведи –
Любовь всегда рассудок побеждает.

Романс

Горел рассвет оттенками багрянца,
И я держал в руках твоё лицо.
Весенний сад кружил цветочным танцем.
Сжимало сердце рук твоих кольцо.

Нечастых встреч минуты не считали,
Хмельной порыв нам души бередил,
Минуты эти быстро пробежали,
Сердца осенний ветер охладил.

Не надо слёз. Не надо сожалений,
Ведь за зимой придёт весна опять.
Пусть не вместе мы, придёт пора цветений,
И так же будет музыка играть.

Не надо боли, милая, не надо,
В моей душе всегда ты будешь жить.
Нам за любовь ушедшую в награду
Друг друга никогда не позабыть.

Не позабыть сиянья звёздной ночи,
Огонь свечей, и нежности поток,
Весенний сад, что головы морочил —
Я их вернул бы, если б только смог.

Костёр любви, что мы зажгли сердцами,
Нас в жизни часто будет согревать.
Он не погас, и всюду вместе с нами
Любви ушедшей будет благодать.

Не надо слёз, не надо сожалений,
Ведь за зимой придёт весна опять,
Пусть не вместе мы, придёт пора цветений,
Всё так же будет музыка играть.

Не надо боли, милая, не надо,
Простим зигзаг изменчивой судьбе.
Ты мне была и болью, и отрадой,
Но всё сгорело в осени огне.

Руки гладят волос
Головы бедовой.
Тихий, нежный голос,
Отзвуки в столовой.
Губы мягкой ватой
На моё дыханье,
Жест замысловатый,
Сон – воспоминанье.
Липнут к нежной коже
Запахи и звуки,
И снести не можешь
Ожиданья муки.
И не нужны были
Ни слова, ни речи.
Как мы позабыли
Эти наши встречи?

Сонет

Да что мне в этой жизни без тебя,
Улыбок, губ и запаха волос?
Я жизнь свою, уставший, но любя,
К твоим ногам, как тяжкий груз, принёс.
Что может дать безумный этот мир
Двоим в ночи? Нам грезится без снов,
Мы друг для друга совесть и кумир,
Полёт и грех, основа из основ.
Как удержать бегущий этот час?
Копна волос притихла на плече,
Огонь свечи в твоих глазах погас,
Погаснет ночь, подобно той свече.

Но звёздный свет, что осеняет нас
И в свете дня поддержит в трудный час.

Ты – ангел и ведьма, но всё же
Я рад был сгореть, как в огне,
В объятьях на пагубном ложе,
Растаяв в любовном вине.
И нет даже лёгкой печали,
Но сердцем не стоит играть –
Мы оба немало страдали,
Чтоб снова любовь потерять.
Чтоб снова искать и пленяться
Тщетою, заполнившей мир.
И снова без слёз возвращаться
В безмолвие наших квартир.
Уж лучше пропасть без оглядки
В любовном пожаре сейчас,
В руках твоих ласково сладких,
В ночном колдовстве твоих глаз.

Усталых глаз любимых глубина...
Я в них искал ответ и находил.
«Нам на двоих одна судьба дана», —
Как часто милой это говорил.
Я верил сам, что неразъёмен круг,
Что не сметёт житейская гроза
И что тебя не затуманит вдруг
Внезапно налетевшая слеза.
Что лишь с тобой, с тобой одной дано
Познать и боль, и радость, и восторг.
Всё это было нам не суждено...
И всё, что смог, из сердца я исторг:
Исторг обман, исторг пустой навет,
Исторг и боль, что ранит, как стрела,
Летящая упавшему во след.
Исторг всё то, что эта боль дала,
Но не тебя.
Хоть часто и болел
Влюблённостью, себя не изменить.
Я только раз так искренне хотел,
Закрыв глаза, забыться и любить.

Я смотрю в твои глаза,
В них покой огня,
Ты, как гибкая лоза,
Проросла в меня.
Я прильну к твоим губам,
Выпью всю в засос,
Потеряюсь где-то там
В тишине волос.
И, взорвав покой и тишь,
Вспыхнет яркий свет.
Тем же светом ты горишь,
Тот же ждёшь ответ.
Этот мир бездонных глаз
Поглотил мой мир.
Только кто жалел из нас
Звук пустых квартир?
Я в ладонь твою вложил
Ключик от часов,
По которым раньше жил
В сумерках годов.
Ни каменьев не нажил,
Ни златой поднос,
Лишь одно богатство есть –
Серебро волос.
Но, как видно, не на день
Ты ко мне пришла,

Не земную дребедень –
Душу забрала.
И уже мне скучно жить
Без твоих оков,
Ведь умеешь ты любить
Без красивых слов.
Старомоден мой язык,
Знаю этот грех.
Я к признаньям не привык.
Я люблю твой смех.
И пускай смещает ось
Вздорный шар земной,
В этой комнате сейчас
Только мы с тобой.
Пусть летят в моё окно
Сполохи огня,
В центре вечности одно –
Только ты и я.

Я не люблю хулы и славословий,
Они, как ржа, съедают наши души.
Я не приму приказа и условий –
Их всё равно когда-нибудь нарушу.
Но лишь слова любви простой и нежной,
Без слёз, без сожалений, без печали,
Вернут туда, где ветер страсти прежней
Нас обнимал на утреннем причале.

*Мелодия, звучащая во мне,
Ты осыпaeшьcя вселенским звездопадом,
Звенишь, как сталь в бушующем огне,
И кружишь в тихом вальсе снегопада.*

*Мелодия, звучащая
во мне...*

Скрипка

Взмах смычка, и чувство расцвело,
Осветив душевную усталость.
Там на дне тепло ещё осталось,
Только сверху снегом замело.

Ты играй, скрипач, играй, прошу.
Нерв струны натянут и во мне.
Безысходность, что в себе ношу,
Я спалю в спасительном огне.

Между струн дрожит моя душа,
Звук уносит вдаль от суеты.
Внемлю, как молитве, не дыша —
Здесь алтарь несбывшейся мечты.

О, Творец! Ты скрипке много дал:
Чистоту, возвышенность и пыл.
Почему ж, когда людей создал,
Душу скрипки в них не заложил?

Ноктюрн

Ночь нежна, словно шёлк,
Бестревожно тиха.
В эту ночь одиночество светло.
Шумный город умолк,
Тщетных дел вороха
Днём спалило нещадное пекло.
И уставши от зноя,
В прохладу нырнув,
Спят дома, как в экстазном затишье,
В одеянье покоя себя обернув,
На глаза нахлобучивши крыши.
Одиноко мигает
Неоновый свет
Сиротливо-ненужной рекламы.
Фонари освещают
Домов силуэт,
Проливаясь в оконные рамы.
Проведя, как рукой,
Ветерком по листве,
Этот мирный покой не нарушив,
Светлый ангел ночной,
Что с любовью в родстве,
Опустился в усталые души.

Бранденбургский концерт

В полифоническом бреду
Рожденья мира
Не вдруг разлито на полу
Святое миро,
И философия миров
В глубинном звуке
Вопросы жизненных основ
Не по науке.
Сплетенье нитей голосов
В одно дыхание,
Закрыты нервы на засов,
Парит вниманье.
Прёдолённый жизни страх,
Пути бездонны,
Улыбка светит на губах,
В глазах Джоконды.
И даль космических глубин,
Дом катаклизмов,
Звучит в движении картин
Своим трагизмом.
Смещение танца и огня,
Борьбы и рока
Сжигает чувства до угля.

Молчат пороки.
Какой же силой наделён
Был этот гений,
Какою тайной умудрён,
Каким веленьем?
И океан, а не ручей
Стремит потоки
Великих баховских идей
С своих истоков.
Как очищение людей
От грешной муки,
Как оправданье жизни сей,
Вот эти звуки.

Звучит Шопен...

Звучит Шопен...

Из звуков мир рождаясь,
Являет свет душевных очищений,
Над суетностью мира поднимаясь,
Кристаллизуя силу ощущений.
Вскрывается вся тщетность бытия,
Потоком входит музыка в сознание —
То нежная, то полная огня,
То грозная, как будто предсказанье.
Понятным только ей одной ключом
Душевные темницы отпирает
И освещает внутренним огнём,
А пианист играет и играет...
Вся правда мира, словно на ладони,
Не в бренном слове, а в бессмертном звуке.
Живёт любовь как будто в тихом стане,
Как боль в предвосхищении разлуки.
И тихий шелест сказочного лета
Сметает вихри атомного взрыва,
Громадой труб звучит вселенной месса
В стремлении единого порыва.
Но вот светлеют краски в звуке тонком,
Взметая брызги радужной надежды,
Природа закужилась в вальсе звонком,

Раскрасив мир в цветастые одежды.
Вальс оборвался тягостным аккордом...
Блеск воинов, фанфар победных звуки!
Шагают пары в полонезе гордом –
Блеск золота и женщин нежных руки.
Затем ноктюрна тихая прохлада
Сменяет пышность рыцарских утех.
Ночная песня – тихая услада,
Поющая про первородный грех.
А пианист играет и играет,
Рисуя мир живее, чем реальный,
Но этот мир он только оживляет,
А сочинил – художник гениальный.
Звучит Шопен...

Лунная соната

Свеча горит, колеблясь дуновеньем,
В рояле чёрном многократно множась.
Наполнен воздух тихим вдохновеньем.
Звук льётся, не стаяя, не тревожась.

Клавиатуры чёрно-белый блеск
Поёт в потоке лунного сиянья.
Пиано нежного тревожно-сладкий всплеск
Рассыпался ликующим страданьем.

На бархате басовом шьёт триоль
Рисунок печаленной мадонны.
Не родилась ещё финала боль,
Лишь ночь парит над миром томно-сонным.

Из лунных нитей сотканная вязь
Окутывает время и пространство,
Вдруг эхом невесомым отразясь
От звёздного небесного убранства.

Бетховенского духа глубина
Пронизывает нить повествованья.
Дрожит слезой рояльная струна,
Пытаясь пережить его страданья.

В творении своём живёт он сам.
Суровый гений. За страдания в плату
Посланием потомкам и векам
Создал из звуков «Лунную сонату».

И Юлии Гвичарди лёгкий взгляд,
Вкус горечи несбывшейся надежды,
Он позабыть, наверно, был бы рад.
Но всё страдает, так же, как и прежде.

Да, будет взрыв. Да, будет гнев и крик,
Финальный гром волною разольётся.
Но тишина, к которой ты приник,
Лишь захоти, опять к тебе вернётся.

Мелодия, звучащая во мне,
Ты осыпашься вселенским звездопадом,
Звенишь, как сталь в бушующем огне,
И кружишь в тихом вальсе снегопада.

Ты будишь в сердце образы и звуки,
Раскрашивая тусклый мир игрою.
Воспоминаний сладостные звуки,
Как миражи, встают передо мною

Тех лёгких дней, когда судьбой играя
Тебя я слышал в каждом сердца стуке.
Жила во мне, меня не покидая,
Любви игра без опыта разлуки.

Потом звучала горестным органом,
Аккомпанируя познанию жизни грубой,
Когда столкнулся с болью и обманом
Красавицы шальной и белозубой.

Во встречах, расставаньях и обманах
Ведя свой век, не думая о Б-ге,
Как разум в жарком вертеле шалмана,
По звукам растерял тебя в дороге.

И были дни и годы без звучанья,
Мученья поисков, надежды и сомнений,
Паденья в бездны разочарований
И по тебе горячечных томлений.

Но вот глаза чернее чёрной ночи
Тебя огнём зажгли во мне опять,
И хочется со всей великой мочи
Тебя на скрипке счастья проиграть,

Чтобы любовь моя слилась с тобою,
Чтоб на губах твоих любовь играла,
Чтоб стала и мольбою, и судьбою
И шубертовским «Аве...» прозвучала.

Разговор с грустным Моцартом

Утро хмурое.
Дождь моросит по душе,
Краски бледны в крутящейся мути.
В окна бьются охапки дождинок-драже,
Будет день сыроватым и нудным.

Взять бы ноты
Да Моцарта солнцем согреть
Заскучавшие мокрые звуки,
Чистотою мелодии тучи стереть,
Избежать охлаждающей муки.

Крышка поднята.
Звуки свободны уже,
Вытекают легко, без натуги.
Вдруг пассаж зазвенел на крутом вираже,
И рассыпался холодом вьюги.

Что-то Моцарт
Сегодня безумно грустит,
Видно, тоже с природой в согласье.
С невесёлой улыбкою он говорит:
«Не изменится мир в одночасье».

Что ж, давай
Эту пробку с вина отвинтим.
Дорогая, присядь со мной рядом
Мы тут с Моцартом, знаешь ли, пьем и грустим.
Разведи нашу грусть своим взглядом.

Мне с тобой хорошо.
Лишь тепло твоих глаз
Согревает в осеннем ненастье.
Этот день ведь случился специально для нас,
Чтобы мы не забыли о счастье.

Свечка, музыка,
Моцарт, в бокалах вино,
Да и дождь, на удачу, пролился.
Я люблю тебя, знаешь, и очень давно,
А сегодня повторно влюбился.

Стихла музыка,
Моцарт куда-то ушёл,
Мы с тобой у рояля забылись.
Молча слушаем пляску дождинок-пчёл...
Что-то доброе с нами случилось.

Орган ревел. Нет, не ревел, а пел,
Смеялся, ликовал и ворожил,
Как будто опостылевший предел
Прорвать пытался из последних сил.
То трубный глас его покорных слуг,
То тихий шелест, скатанный в снежок...
Лепя сюжет литых хоральных фуг,
Он звук и время свёл в один поток.
И лесом труб вздымая руки ввысь,
Туда, где Б-г, где космос и покой,
Тебе кричал: «Уйди иль покорись!
Свою судьбу смешай с моей судьбой.
Я унесу туда, где Зодиак,
Где в звёздном море плещется прибой,
Где нет земных страдания и врак,
Где примириться сможешь сам с собой.
И где узнаешь цель душевных мук
И цену радости, и истинность потерь,
И неслучайность встречи и разлук.
Ты к Господу открыть сумеешь дверь.
Так, в космос унося притихший зал,
Пространство, время и земную пыль
Души преступность к звёздам поднимал
И души Б-гу в дар преподносил.

А Б-г глядел с высот на тяжкий труд.
Органу давши замысел и глас,
Он думал: «Все они потом уйдут,
Своей душой прозревши лишь на час,
Но мальчик за колонной... Видишь, там?
Он слушал так, как ты сейчас играл.
Он к Б-гу прикоснулся, как к слезам,
А, значит, ты не зря сейчас страдал».

Играет страстно клавесин
Напев вивальдиевской пьески.
На свисшем полотне гардин
Танцуют тени арабески.
Он и Она всюду кружат,
Не подчиняясь ритму танца,
Вот также сотни лет назад
Им на балу пришлось встречаться.
Всё также мягкий свет свечей
Её волнует и тревожит.
Он назовёт Её своей,
Она же возразить не сможет.
Он любит, светится Она
Наивным светом ожидания,
Безгрешным лепетом полна
Несмелость первого свиданья.
Кружит вивальдьевский дурман,
Сердца сжимая романтизмом.
Нет, это, правда, не обман,
Здесь нет расчёта и логизма.
Любой, кто жил, любил и ждал
Минуты первого свиданья,
Себя в них сразу же узнал,
Вдруг оживив воспоминанья.
Никто прошедший лет парад –
Минуты эти не забудет.
Так было сотни лет назад,
Так есть сейчас и дальше будет.

*Израиль, как судьба, неотвратим.
И даже если сдуру отречёшься,
Ты будешь им, как ангелом, храним,
И вновь к нему в конце пути вернёшься...*

*Израиль, как судьба,
неотвратим...*

Молитва

О, Господи, Тебя благодарю
За каждый час изменчивой судьбы,
За то, что ненавижу и люблю,
За полосы затишья и борьбы,
За встречи на путях земных дорог,
За боль утрат и радость обретенья,
За слабости (Ты к ним не слишком строг),
За редкие минуты наслажденья,
За музыку, звучащую во мне,
За сердце, что пока ещё открыто,
За свет надежд, что сгинули во тьме
Жестокого, циничнейшего быта,
За ожиданье предreshённых встреч
С Тобою предначертанной судьбой,
Когда при свете капающих свеч
Мы вместе вознесём Тебя хвалой,
За утра свежесть, тихий плеск воды,
Любовь людей, которых я люблю,
Перипетии счастья и борьбы,
За жизнь Тебя, Господь, благодарю!

Авраам

О чём ты думал, старый Авраам,
На гору Мориа взойдя, скорбя,
Отдавши дань страданию и слезам,
Но Б-гу подчиняясь, и любя
Своё дитя на жертвенность обречь
Ты должен был. Того, кем ты дышал,
Его веселье и живую речь
От сердца и души не отсекал
Ни божий перст, ни закалённый меч.
Какой же ужас жил в твоей душе,
Каким же светом веры освещён
Был этот миг, когда ты знал уже,
Что этим светом был Ицхак спасён.
А, может, знал, что будет посему:
Израиля отцам и матерям
Идти вперёд по следу твоему
И, вопреки страданиям и слезам,
Судьбе единой в жертву приносить
Своих детей в терактах и боях
За право жить, молиться и любить,
Без оправданий в чьих-либо глазах.
И в двадцать первом веке просит мать,
Чтоб ангел руку смерти удержал.
И, может быть, за жертвенность, как знать,
Нам избранность Всевышний даровал.

О, Господи, Тебя молю, Всеблагий,
В томленье духа и телесной боли,
Дай силы мне, душевной дай отваги
Принять все тяготы моей нелёгкой доли.
Молю Тебя, храни моих родных,
Дай им здоровья и немного счастья,
Чтоб под защитой всех Твоих святых
Они не знали горя и ненастья.
Прошу Тебя, дай мудрости чуть-чуть,
Чтоб смысл понять последствий и причин,
Чтоб, не запутавшись, найти свой верный путь
Сквозь мирозданье образующих картин.
Дай за рядами умных толстых книг
В молитвы слова, в святости обряда
Увидеть Твой святой и мудрый лик,
А не красу словесного наряда.
О, Господи, молю, храни народ,
Что выбран был Тобою на закланье,
За долгий, многотрудный переход,
Твои забывший, Боже, заклинанья.
Дай мудрости ему хранить страну,
Вновь обрётённую Твоей великой волей,
Дай щедрости и знаний глубину,
И гордости своей еврейской долей.
Ещё молю, Всеблагий, о любви,
Не той, что отпускается по крохам,
А той, что словно праздника огни,
И исчезает лишь с последним вздохом.

В моём сознание спит вселенский свет...
Вся мерзость покорёженного века
Сплетает удушающий корсет...
Хромает мысль, как радостный калека.
Что наши жизни? Пыль в руках судьбы.
Взглянув в глаза изменчивым страстям,
Протеста конформистского рабы
Сдаём себя и веру по частям.
Ни Магомед, ни Будда, ни Христос
Не осветили тёмных душ людских.
Цепь поколений ветер в бездну снёс,
Спалил в огне войн малых и больших.
Себя отдав во власть больших надежд,
Лечили жизнь бальзамом гуманизма.
Так и остались скопищем надежд –
Бальзам не лечит рецидив фашизма.
И вот опять. У огненной межи
Тысячелетья третьего начало...
Да! Сколько зверя хлебом не корми –
Ему всегда крови недоставало...

Взмылся огонь беспощадного взрыва,
Замерли стрелки на круге седьмом.
Крик изумлённых серенных надрывов.
Нас убивают – а мы живём!

Бомбы живые, посланники ада,
В ад и вернутся дорогой прямой.
Детские жизни на прелести сада?
Б-г не приемлет подмены такой.

Ложь паркинсонника множится скопом,
Есть понимание в мире большом.
Под чутким присмотром «гуманной» Европы
Нас убивают – а мы живём!

Полёт европейской гуманной натуры
Лишь тень Холокоста подпортила вновь.
Сердца гуманистов – большие структуры,
Качают им нефть, а не красную кровь.

И что изменилось за двадцать столетий?
Вернулись из странствий, живём под огнём.
Лишь пуля ждёт очереди в пистолете.
Нас убивают – а мы живём!

Под этим огнём поднялось государство.
Война, мир короткий и снова война.
Но преобразилось песчаное царство,
Проснулась Земля от глубокого сна.

Не вам отнимать, амалеково племя,
Ту землю, что Б-г заповедовал нам.
Живите, как люди, и сжалится время,
А мир принесёт процветанье и вам.

Так плюнем в лицо террористу-садисту.
Пусть мы одиноки в страданье своём,
К чертям всех политиков-эквилибристов.
Да! Нас убивают – но мы живём!

Дельфинариум

Разорванные детские улыбки.
На лицах ужас, больно говорить.
Ну, чей черёд покаяться в ошибках?
Один вопрос: как с этим дальше жить?
Песков зыбучих жаркое дыханье,
Судьбы еврейской горькое питьё.
Израиль мой, кричит твоё страданье,
Но кто услышит? Кто? Скажи мне, кто?
О, мой народ!
Как часто в прошлой жизни
Ты забывал о том, что ты – еврей.
Ты путался в сетях идеализма,
Но не растаял в скопище людей.
Ты был изгоем. Им ты и остался.
Дав миру Б-га, сам всегда страдал.
От памяти своей не отказался,
Как этот мир тебя не заставлял.
Ты рвался в космос, сидя в кабинете,
Лечил людей, писал и открывал,
Учил детей. Поднялся в Новом Свете,
Но, что домой вернёшься, точно знал.
Сквозь дым печей концлагеря и гетто,
Через болота, пули, нож и взрыв
Пришёл к Ерусалиму, только этим
Предначертанье Б-жье совершив.

Ты воевал за землю и за воду,
Просил о мире, нет – так шёл войной.
Один на всех. И покорив природу,
Ты на песке построил сад земной.
Так что ж теперь? Отдать врагу без боя?
За показного гуманизма идеал?
Склониться пред убийством и разбоем?
Таким, Израиль, я тебя не знал!
Нам снова нужно вспомнить катастрофу,
Про Маккавеев и про Гуш-Цион,
Про всё, что не вмещают эти строфы,
Про путь, что Б-гом был определён,
Что нет нам на земле другого места.
Ну так давай докажем это ИМ!
Докажем силой нашего протеста.
Мы сможем, если только захотим!

Замолкни, голос лжи и раболепия
Европы хитрой, светской и двуличной.
Грязь юдофобства, блеск великолепия
Переплелись на улицах столичных.
Что им Ерусалим? Что наши жизни? Что?
Их Б-г еврей? Подумаешь, преграда!
Кровавый клоун в рамальском шапито
Для них за всё достойная награда.
Сын сатаны в немой куфие,
Слюнявый бес для них родней народа,
Спалённого в освенцевском огне
Стараньями берлинского уroda.
Но внешне всё красиво. Это да.
Под боевой раскраской гуманизма
Перед арабом гнётся их спина,
И куфию стирают для фашиста.
Мне стыдно за твоё творенье, Б-г!
Мразь в куфие – любимец и кумир.
Вот это человечества итог –
Гниения душ зловоннейший сортир.
Всё растоптали: стыд, любовь и честь.
Потоки лжи с газетных переплётот,
Плевот, закауфлированный в лесть,
Расчёты на тупых и идиотот.
Опять один. Опять один стоишь,
Народ мой, против этой дикой своры.

Но за собой когда мосты спалишь,
Они, услышав щёлканье затворов,
Сомкнут оскал. Дороже шкура им,
Ведь гуманизм сейчас – продукт дешёвый,
Кило за барель нефти продадим,
А европеец – коммерсант хороший.
Бездарный мир, известный тем, что мог
Лишь грабить, убивать и издеваться,
Один лишь может подвести итог,
Нам запретить от зверя защищаться.
Немало бреда было на веку,
Но гуманистов этих нам послушать,
Припомнишь вдруг крыловскую строку:
«Ты виноват лишь тем, что хочется мне кушать»!
Стыда неймут в душевном неглиже.
Им нефть – и во-вторых и даже в-третьих.
В который раз мы повторим уже:
«Проходит всё. Переживём и этих».

Моше

В пустыню вёл из рабства в свет свободы
Народ еврейский. Дни, недели, годы...
Сам – сын рабыни, бывший принц Египта,
Ни властью не прельстясь, ни манускриптом.
Простой косноязычный Моисей –
Он боль рабов носил в душе своей.
И подчиняясь только воле Б-га,
У фараона вставши у порога,
Без раболепия, страха и сомненья
Себя отдав тяжёлому служенью,
Так молвил: «Кары Б-жьей не снести!
Господь велит – народ мой отпусти!»
Но фараона сердце не открылось,
И над Египтом небо зачернилось.
Все десять казней тех Моше предрёк,
Хоть самодержцу впрок не шёл урок.
Египет в бездну страха погружён –
Лишь тем народ из рабства было спасён.
И шёл народ, ведомый Б-жьей волей
В прекрасный край, простившись с рабской долей.
Но знал Моше: с колен не сразу встать,
В душе евреев рабская печать,
И надо побороть раба природу,

Чтоб ощутить и вкус, и цвет свободы,
Чтоб верой озарился мыслей мрак,
Что свет чудес не светит просто так.
Для них Всевышний много сотворил,
Об этом Моисей им говорил.
И хоть несносной жизнь раба была —
Ответственность свободы тяжела.
Союз с Всевышним словом был скреплён,
Чрез Моисея дан им был закон.
Столь бережно народ его хранит,
И хоть о многом это говорит,
Но и сегодня можно наблюдать
В душе у многих рабскую печать.

Непрерываемая нить
Судьбины горькой и печальной –
Удел земли многострадальной.
Волне веков его не смыть.

Гроза гремит в Ерусалиме.
Что это? Бой ли, непогода?
Мир удушён словесной тиной,
Забыта разума природа.

Народ земли обетованной
Лишь в книгу верит. Меч булатный
Ему претит, хотя порою
Он годы меряет войною.

Ведом Моисеевой рукою,
Веками шёл из плена к Б-гу.
Не раз терял свою дорогу,
Платя кровавою ценою.

Кривое зеркало народов
Лишь отражает боль и беды,
И поражения, и победы
Твоих героев и уродов.

О, Господи, Тебя благодарю
За чашу жизни – символ искупленья,
За то, что ненавижу и люблю,
За плеск воды и звёздное горенье.
За каждый день изменчивой судьбы,
Несущий опыт дерзкого познания,
Победы миг и тщетные мольбы,
За светлый смех и горькие рыдания.
Благодарю за каждый встречи час,
Восторг души и пыл очарованья
И за любви нежнейший тихий глас,
И громкий возглас разочарованья.
За ветер с моря с запахами соли,
За дым костра и тихую зарю,
За эту жизнь, исполненную боли,
О, Господи, Тебя благодарю.

О, сколько боли выплеснулось в небо!
Как много лиц, сражѐнных гневом муки!
И стон со словом в пересохшем нѐбе
В немом вопросе поднимает руки.
За что?! За что нам море боли?
Кто детям сатаны позволил это?
Как? Нелюдям святой земли раздолье?
Иль не осталось правды уж на свете?
И что? На исламиста-изувера
Уже управы нету на планете?
За постулат его дичайшей веры
Кто должен быть, скажите же, в ответе?
И нас винят в насилие и расизме?
Взгляните! Человек так не сумеет!
Лишь исламист в махровом фанатизме
Запреты Б-жьей кары одолеет.
И что фанатику цена еврейской жизни,
Когда своих детей-то не жалеет,
А смерть Израиля считает целью ближней,
С молитвой сатанинскою звереет.
Вы говорите: «Мир»? С исчадьем ада,
Лишѐнным даже проблеска рассудка?
Да мать-земля давно уже не рада
Что приютила таких ублюдков!
Насильем на насилие, мерой – меру,
Лишь это остановит юдофобство,
Чтоб дикаря загнать в его пещеру

И там похоронить с его уродством.
Чтобы не знали наши дети гнева
И цену этой жизни понимали,
И зёрна, отделённые от плевел,
В израильской земле произрастали.
Мы никогда из мира не исчезнем!
И лишь увидеть только бы смогли,
Как сгинет непременно в ада бездну
Последний юдофоб святой земли.

Склонила пальма ветви до колен.
Свежеет утро говорливого Востока.
Бросают тени кладки древних стен,
Не знающих ни давности, ни срока.
Немало бед им повидать пришлось
В свирепой пляске грозного огня.
Зло сотен поколений пронеслось,
Тень доброты за слабости кляня.
Свидетели немые жарких битв...
Они ведь помнят мудрость древних лет,
Когда не меч гремел, а стих молитв,
У Храма разливался жизни свет,
Когда вещал Давид, и Соломон
Над силой мудрость ставил на суде,
Когда союз был с Б-гом заключён,
И каждый благодарен был судьбе.

СОДЕРЖАНИЕ

Поэзия музыки... М.Козакова	3
-----------------------------------	---

Мы сами выбираем все дороги...

«Как время мчится! В ранние года...»	8
А начиналось всё так прекрасно	10
«Ах, молодости крепкое вино...»	11
«В перевёрнутом мире зеркал...»	12
«Всё отошло бегущей вереницей лет...»	14
«В минуты гнева и печали...»	16
«Когда немой слепого вопрошает...»	17
«Когда откроются врата...»	18
Ночь	19
«Круг разорванный глупых и сладких надежд...»	20
«Мой добрый друг, не надо той печали...»	21
«Над пасмурным осенним мокрым днём...»	22
«На середине жизненной дороги...»	24
«Нальём вина, мой верный добрый друг...»	25
«Не зная поворотов и извилин...»	26
«Не надо грусти, друг мой милый...»	27
«Не понять, не высказать словами...»	28
Ночной разговор	30
«Который год ведёт меня дорога...»	32
«Опадает день...»	33
Романтики	34
«Смеяться, право же, грешно...»	35
«Среди текущих праздников и буден...»	36
«Средь парковых деревьев ветер веет...»	37
Одиночество	40
«Судьба шаловливой рукою...»	41
«Уходят дни, минутами стекая...»	42
«Хотя у каждого, поверь, диагноз свой...»	44
Немного об искренности	45
«Пусть летит всё к чертям...»	47
Стихи на салфетках	48

И любовь родилась, как родится дыханье...

«Когда порой твои глаза...»	52
«В чёрно-белой метели...»	53

Воспоминание	57
«В угарном ресторанном кутеже...»	58
Вальс	60
Встреча	62
«Любимая! Услышь, как сердце бьётся...»	64
«Не вернуть утраченные дни...»	65
Не покидай	66
«Ну почему мы любим только стерв...»	67
Романс	68
«Руки гладят волос...»	70
Сонет.....	71
«Ты – ангел и ведьма, но всё же...»	72
«Усталых глаз любимых глубина.....»	73
«Я смотрю в твои глаза...»	74
«Я не люблю хулы и славословий...»	76

Мелодия, звучащая во мне...

Скрипка	78
Ноктюрн	79
Бранденбургский концерт	80
Звучит Шопен... ..	82
Лунная соната	84
«Мелодия, звучащая во мне...»	86
Разговор с грустным Моцартом	88
«Орган ревел. Нет, не ревел, а пел...»	90
«Играет страстно клавесин...»	92

Израиль, как судьба, неотвратим...

Молитва	94
Авраам	95
«О, Господи, Тебя молю, Всеблагий...»	96
«В моём сознание спит вселенский свет.....»	97
«Взмылся огонь беспощадного взрыва...»	98
Дельфинариум	100
«Замолкни, голос лжи и раболепия...»	102
Моше	104
«Непрерываемая нить...»	106
«О, Господи, Тебя благодарю...»	107
«О, сколько боли выплеснулось в небо...»	108
«Склонила пальма ветви до колен...»	109

Литературно-художественное издание

Абрамов Лев
В ЧЁРНО-БЕЛОЙ МЕТЕЛИ

Сборник стихов

Редактор и корректор – М. Козакова
Дизайн и компьютерная вёрстка – Э. Алиев
Руководитель издательского проекта – Й. Мишиев

Подписано к печати 20.01.2011.
Формат: 60х90 1/32. Гарнитура Times
Печать офсетная. Усл. печ. листов 3,5.

Издательский дом «Мирвори»
Издание книг, брошюр, буклетов, каталогов, календарей.
Компьютерный набор, корректура, редактирование,
художественный дизайн, графика и вёрстка.
Консультации по всем вопросам книгоиздания.

Адрес редакции: Израиль, Нетания, ул. Бренер 10
Адрес для писем: Israel, 42441, Netanya, P.O.B. 359
Телефоны – 09-8840855, 09-8870811, 054-7766822
Электронная почта: mirvori@mail.ru

Дорогой читатель! Я сейчас волнуюсь, как, наверное, волнуется родитель на первом выступлении своего ребёнка. Этот сборник – мой ребёнок. В нём мои мысли и чувства, выстраданные за многие годы.

Я пианист, родился в Махачкале, там же получил высшее музыкальное образование. Стихи начал писать ещё в школе, но их лучше, конечно, не читать. Однако учителя у меня были великоленные – привили любовь к музыке и литературе. Наверное, поэтому у меня много стихов о музыке, ибо поэзия и музыка для меня – явления одного порядка. Они основа моего мировосприятия.

Даже преподавая на музыкальном факультете Дагпединститута, я писал стихи, но печатаюсь впервые. Здесь, в Израиле, тяга к поэзии стала сильнее, может, потому, что от музыки отошёл, и поэзия заполнила эстетический вакуум. Стихи дали мне возможность сказать всё то, что порой невозможно передать в обычной беседе.

И ещё... Для меня стихи – это тоже музыка, слова – клавиши моего любимого рояля. И я очень надеюсь, что вы услышите мои мелодии, и они вам понравятся.

*Ах, если б слово обладало
Той силой, что владеет звук,
Глубокий музыкальный звук,
Оно бы больше убеждало.
Но без игры двойного смысла
Касалось самых недр души,
Как музыка касается души,
Яснее, чем простые числа...*